



Е. В. АНИСИМОВ

«Кому вышеписанное насаждение оставлю?»

<Фрагмент>

<...>

На завершающем этапе следствия по делу царевича Алексея Петр заинтересовался глубинными причинами «упрямства» сына. Он распорядился, чтобы П. А. Толстой, главный следователь по этому делу, спросил у Алексея: «Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно, и ни в чем не хотел угодное делать, а ведал, что сие в людех не водится, также грех и стыд?» На это царевич отвечал: «Причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не учился, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему я и от натуры склонен, а потом, когда меня от мамы взяли, также с теми людьми, которые тамо при мне были, а именно — Никифор Вяземский, Алексей да Василий Нарышкины; и отец мой, имея о мне попечение, чтоб я обучался тем делам, которые пристойны к царскому сыну, также велел мне учиться немецкаго языку и другим наукам, что мне было зело противно, и чинил то с великою леностью, только чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел. А понеже отец мой часто тогда был в воинских походах, а от меня отлучался, того ради приказал мне иметь присмотр светлейшему князю Меншикову и когда я при нем бывал, тогда принужден был обучаться добру, а когда от него был отлучен, тогда вышепомянутые Вяземский и Нарышкины, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конверсацию (беседу. — Е. А.) иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и подливать, а в том мне не токмо претили, но и сами тож со мною охотно делали. А понеже они от младенчества моего при мне были, а я обыкл их слушать и бояться, и всегда им угодное делать, а они меня больше отводили от отца моего и утешали вышеупомянутыми забавами и помалу помалу не токмо дела воинския и прочия от отца

моего дела, но и самая его особа зело мне омерзла и для того всегда желал от него быть в отлучении». Конечно, допросные признания запуганного пытками царевича — весьма ненадежный источник. Мы видим, как Алексей спешит сказать то, что от него хотят услышать, как он стремится свалить вину на свое окружение, якобы сознательно воспитывавшее его в духе противоречия Петру, и при этом старается не бросить тень на своего формального воспитателя — все-ильного тогда Меншикова. Отрицать влияние окружения, среды, в которой жил молодой человек, конечно, нельзя — оно может быть огромно. Но дело не только в различиях формальной и реальной педагогики. Будущий конфликт отца и сына, их отчужденность, переросшая затем во вражду, были предопределены изначально тем положением, в котором оказался наследник российского престола. Алексей — сын Петра от первой, сосланной в 1698 году в монастырь, жены Евдокии Лопухиной — почти с младенчества (он родился в 1690 году) оказался на дальней периферии интересов царя. Он был живым и неприятным напоминанием о неудачном первом браке, да и вообще обо всей ненавистной Петру «московской жизни», и не мог стать отцу близким человеком. Тем более, не возникло этой близости и позже — когда у Петра появилась новая семья. Вряд ли Екатерине, рожавшей Петру других наследников и мечтавшей, как и каждая мать, об их благополучной судьбе, нужен был пасынок. Надо полагать, что мальчик, насильно восьми лет от роду отнятый у матери (примечательно, что на допросах он называет ее «мамой»), выросший среди чужих людей, не мог ее забыть. Но Петр запрещал Алексею видиться с Евдокией — старицей Еленой суздальского Покровского монастыря — и, узнав однажды, что царевич, уже 17-летний, тайно ездил к матери на свидание, был вне себя от гнева. По-видимому, причина длительного семейного конфликта была связана и с тем, что Петр в воспитании своего сына (впрочем, как и своих подданных) исходил из распространенной тогда педагогической концепции принуждения — он назначил Алексею содержание, определил учителей и воспитателей, утвердил программу образования и, занятый тысячами срочных дел, успокоился, полагая, что наследник на верном пути, а если что — страх наказания поправит дело.

Но, как часто бывает в жизни, давление на личность ребенка порождало притворство, желание найти противовес диктату отца. Сильное скрытое сопротивление всему, что исходило от царя, проявляясь в чувстве «омерзения» к его особе, привело в итоге к непониманию, неприятию грандиозных дел, составивших главный смысл и цель жизни Петра. Известный довоенный фильм «Петр Первый», где роль царевича Алексея играет Николай Черкасов,

сформировал в общественном сознании образ наследника как личности ничтожной, безвольной, неврастеничной и посредственной. В жизни, вероятно, было не так. Нельзя забывать, что Алексей был сыном Петра и, надо думать, унаследовал многие его черты, которые, однако, под влиянием неблагоприятных обстоятельств жизни царевича сильно деформировались: упорство превратилось в бессмысленное упрямство, ум ушел в злословие, энергия — в кутежи с приближенными, «организованными», подобно «Всеппянейшему собору» отца, в особую «компанию», в которой не оказалось ни одного человека, кто бы разглядел смысл нараставшего год от года конфликта между отцом и сыном. Не удалась и семейная жизнь царевича: по распоряжению Петра в 1711 году Алексей, явно против своей воли, стал мужем кронпринцессы Шарлотты-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, чувствами которой тоже никто не поинтересовался. Чуждые друг другу люди, Алексей и Шарлотта, подобно многим другим династическим парам, были лишь пешками в той политической игре, которую затеяли в послеполтавский период русский царь, польский король и австрийский император — родственник Шарлотты. Брак этот, как нетрудно догадаться, был несчастлив. Приближенный Алексея И. Большой-Афанасьев показал на допросе 1 мая 1718 года: «Царевич был в гостях, а где сказать — не упомяну, приехал домой хмелен, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришел, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: “Вот, де, Гаврила Иванович с детьми своими (канцлер Г. И. Головкин и его сыновья-дипломаты. — Е. А.) жену мне чертовку навязали; как-де, к ней приду, все-де, сердитует и не хочет-де, со мною говорить, разве-де, я умру, то ему не заплачу. А сыну его, Александру, голове его быть на коле и Трубецкого: они-де, к батюшке писали, чтоб на ней жениться”». Чужды были Алексею и появившиеся вскоре дети — Наталья, затем Петр, родив которого в 1715 году, Шарлотта умерла. Забегая вперед, отметим, что Алексей не организовывал никакого заговора против Петра, он находился в постоянной обороне и вряд ли перешел бы в наступление — при жизни отца это было равносильно самоубийству. Можно лишь определенно говорить, что царевич с нетерпением ждал своего часа, который должен был наступить со смертью отца, — после 1710 года здоровье Петра стало вызывать опасения у окружающих, да и у самого царя. Никакой определенной, четкой «реставрационной программы» у царевича не было, хотя какие-то наметки плана будущего царствования постепенно складывались. Его последняя спутница жизни, крепостная Ефросинья, на одном из допросов показала: «Да он же, царевич, говаривал: когда он будет государем и тогда будет жить в Москве,

а Питербурх оставит простой город; также и корабли оставит и держать их не будет, а войска-де станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением и намерен был жить зиму в Москве, а лето — в Ярославле; и когда слышал о каких-то видениях или читал в курантах, что в Питербурхе тихо и спокойно, говаривал, что видение и тишина недаром: “Может быть, либо отец мой умрет, либо бунт будет”».

Если учесть, что показания дала не блестящая умом и образом крепостная наложница царевича, которую он особенно не посвящал в свои планы, говоря ей: «...ты ничего не знаешь и сказывать, де, тебе не для чего», то можно предположить, что, по-видимому, царевич, придя к власти, намеревался свернуть активную имперскую политику отца, ставшую столь очевидной именно к концу Северной войны. Не исключено также, что устами царевича говорила политическая оппозиция, загнанная Петром в глубокое подполье, но надеявшаяся подняться с приходом к власти Алексея Петровича. Материалы следственного дела Алексея с определенностью свидетельствуют, что даже среди сподвижников преобразователя (особенно из числа родовитой знати), а также в среде духовенства было немало сочувствовавших царевичу. Это позволило Алексею как-то сказать Ефросинье (в ее передаче): «Хотя-де, батюшка и делает, что хочет, только как еще Сенаты похотят, чаю-де, Сенаты и не сделают, что хочет батюшка». Вероятно, Петр по своим каналам получал информацию о настроениях царевича, его окружения и о симпатиях к нему знати и духовенства. В письме Алексею от 19 января 1716 года он, подчеркивая, что не доверяет ни единому слову сына, отмечал: «Что же приносишь клятву, то верить невозможно для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек — ложь. Також хотя б истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело».

Как бы ни были сложны отношения отца и сына, последний смело смотрел вперед, ибо за ним было будущее. То, что царевич был официальным и единственным наследником, придавало ему особую силу ожидания своего часа, позволяло, хотя и скрытно, но все же оппонировать отцу, не опасаясь последствий, — вариантов у царя не было. Но так продолжалось до 1715 года, когда в царской семье произошли весьма важные события... Только что процитированное письмо Петра озаглавлено им самим так: «Последнее напоминание еще». Первым же «напоминанием» следует считать пространное послание царя сыну от 11 октября 1715 года, начинавшееся вполне официальными словами: «Объявление сыну

моему». В нем царь обвиняет Алексея в лени, нежелании приобщаться к военным делам и завершает письмо угрозами, которых ранее в их переписке не было: «Сие все представля, обращуся паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)! Еще же и сие воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколько много за сие тебя бранивал, но не точию бранивал, но и бивал, к тому ж сколько лет почитай не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако всего лучше, всего дороже безумный радуется своей бедою, не ведая, что может оттого следовать... не точию тебе, но и всему государству. Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить к добру, за благо изобрел сей последний testament тебе написать и еще мало подождать, аще нелицемерно обратишься». И далее следует то, ради чего, собственно, и писалось это послание: «Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный и не мни себе, что один ты у меня сын и что я сие только в устраску пишу воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, ниже свой непотребный. В 11 день октября 1715. При Санктпитебурхе. Петр».

Почему это решительное письмо относится именно к октябрю 1715 года, хотя отношения отца и сына, как явствует даже из приведенного текста, были тяжелыми уже давно? И почему именно в нем впервые говорится о намерении лишить непослушного сына наследства?

Конечно, это не случайно: Петр все чаще задумывался о будущем, поведение же Алексея не внушало особых надежд. Царь понимал, что наследник не будет продолжать начатое им. К середине 10-х годов здоровье царя, подорванное войной и болезнями, стало вызывать беспокойство окружающих, да и самого Петра. Кроме того, Петр собирался надолго покинуть страну, чтобы у побережья Германии и Швеции добиться окончательного перелома в войне с Карлом XII. Поэтому вопрос о престолонаследии обострился в сознании Петра и требовал радикального разрешения в свойственном царю стиле. 29 октября того же года судьбе было угодно еще туже затянуть узел: Екатерина благополучно родила мальчика — цесаревича Петра Петровича.

Отвечая 31 октября на письмо Петра, Алексей, явно спеша угадать, упредить желание царя, заявляет, что он отказывается от престола не только из-за того, что чувствует себя неспособным нести бремя власти, но и потому, что у него появился младший брат: «...понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать) и всеми умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради, наследия (дай Боже вам многолетное здравие!) Российскаго по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай боже здравия) не претендую и впредь претендовать не буду, в чем Бога свидетеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания». Однако простого отказа от престолонаследия Петру мало, и через три месяца он направляет сыну упомянутое второе — «Последнее напоминание еще». (Заметим попутно, что обмен посланиями людей, живущих рядом в Петербурге, не был случаен, — по-видимому, Петр, посылавший сыну своеобразные официальные предупреждения, был заинтересован в существовании и сохранении этой переписки.). В своем «напоминании еще» царь ставит царевича перед выбором: «...так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою, как с злодеем поступлю». Алексей согласился и на это и на следующий день ответил отцу: «Желаю монашескаго чина и прошу о сем милостиваго позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

Вскоре Петр уезжает за границу и из Копенгагена пишет 26 августа 1716 года сыну письмо (так, как будто он не получал согласия Алексея на уход в монастырь), требуя немедленного решения: либо, встав на путь истинный, ехать в Копенгаген, где русской армией и флотом готовилась высадка на шведское побережье, либо немедленно постричься в монастырь. Причем Петр требует точно сообщить, «куды и в которое время и день (дабы я покой имел в моей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончанием (то есть с окончательным решением. — Е. А.): буде по первому — то когда выедешь из Петербурга; буде же другое, то когда совершишь. О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо вижу я, что только время проводишь в обыкновенном своем неплотии».

Столь непримиримая и жесткая позиция Петра сделала положение Алексея, в сущности, безвыходным: 26-летний светский человек, конечно, не хотел идти в монастырь, хоть и вынужден был дать согласие, полагая, очевидно, что это больше педагогическая угроза, нежели неотвратимая и скорая реальность. Но ничего хорошего он не ждал и от предстоящего свидания с отцом — вероятно, оба понимали, что «отменить свой нрав», как требовал отец, Алексей уже не мог. И тогда Алексей решается бежать, скрыться от отца и своей судьбы. Не в силах оказать сопротивления подчиняющему все и вся государственными целям деспотизму Петра, но и не желая отказываться от престола, а тем более идти в монастырь, он решается на страшное для российских подданных преступление — побег за границу, расценивавшийся однозначно как государственная измена. Добравшись осенью 1717 года до владений австрийского императора, он просит (и сразу же получает) политическое убежище. Несомненно, побег этот — акт отчаяния, протест человека, оказавшегося в безвыходном положении, попытка разорвать смыкавшееся вокруг него кольцо. Алексея гонит страх, ему не дает покоя навязчивая мысль, что его партия проиграна, и, отказавшись от монашества, он обрекает себя на тяжкие испытания и, возможно, смерть. Бежав в нейтральную Австрию, он не имел никакого определенного плана на ближайшее будущее, он жаждал отдыха, хотел снять то напряжение, которое владело им после решительных и жестких посланий отца. Ефросинья свидетельствует: «Царевич же мне сказывал, что он от отца для того ушел, что-де отец к нему был немилостив, и как мог искал, чтоб живот его прекратить и хотел лишить наследства; к тому ж, когда во время корабельного спуска всегда его поили смертно (вспомним рассказ Юста Юля о петровских застольях. — Е. А.) и заставляли стоять на морозе, и от того-де он и ушел, чтобы ему жить в покое, доколе отец жив будет и наследства он, царевич, весьма желал и постричься отнюдь не хотел». Став изгнанником, царевич тем не менее не был окончательно убежден в правильности своего выбора, его, вероятно, мучили сомнения, чем, собственно, и воспользовался посланный Петром П. А. Толстой. Выполняя волю Петра, он, вместе с А. И. Румянцевым, после долгих поисков нашел царевича, добился с ним встречи. В конечном счете, он сумел убедить Алексея вернуться домой, пока не поздно, повиниться, исправить ошибку. Толстой сумел за несколько бесед с царевичем подчинить его своей воле, умело сочетая ласковые увещевания с грубыми угрозами. Он твердо обещал Алексею отцовское прощение и в подтверждение предъявил ему письмо царя, который, в частности, писал: «Буде же боишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом его,

что никакого наказания тебе не будет; но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься». Одновременно Толстой грозил царевичу непрерывным преследованием, пугал его русско-австрийской войной, которую якобы хочет начать Петр, обещал, что, если Алексей попытается бежать в Италию, за ним поедет сам царь. После долгих колебаний царевич решился: «Я поеду к отцу с условием, что назначено было мне жить в деревне и чтобы Ефросиньи у меня не отнимать». Разумеется, и то и другое было тут же обещано.

Не исключено, что именно Ефросинья, в которой Алексей души не чаял (она к тому же ждала от него ребенка), уговорила его «повиниться батюшке». Известно, что Ефросинья, тотчас попавшая в пути Толстого, оказалась, в сущности, единственным человеком из окружения царевича, кто не подвергся пыткам в застенках Тайной канцелярии и вышел сухим из воды, замутненной кровью десятков людей.

3 февраля 1718 года царевич был привезен в Москву, в Кремль, где и состоялась сцена отречения наследника от престола. В нашем распоряжении есть два источника, которые передают это историческое событие, но выделяют в нем разные нюансы. Первый документ — это письмо-отчет обер-фискала А. Нестерова Меншикову, остававшемуся в Петербурге, а второй — письмо Алексея Ефросинье, написанное сразу же после церемонии.

Нестеров, в частности, сообщал: «Его высочество государь царевич вчерашняго числа по утру по полуночи в 9 часу пришел к Москве таким образом: Царское величество изволил дожидаться вверху в Ответной палате, тут же были собраны духовные особы, также министры и сенаторы, и повешено, государь, было всяких чинов людям, кроме подлаго народа, чтоб были все в вышепомянутой палате и когда все собрались, и тогда его высочество изволил прибыть в ту же Ответную палату и при его высочестве Петр Андреевич Толстой; пришед прямо к своему родителю, Всемиловитейшему государю, заплакав, повалился в ноги и просил прощения в преступлении и того часу Его величество повелел встать и изволил объявлять свою родительскую милость, в каком содержании его имел и как обучал к тому, чтоб быть наследником, но Его высочество то презрел и не хотел того внятно обучаться, якобы надлежало наследнику и прочие преступления противныя; а изволил Его величество говорить изустно и громко, что все слышали, но на то отповеди оправдательной никакой Его высочество говорить не мог, только просил прощения и живот, а наследия не желает; и потом Его величество изволил еще говорить громко же, чтоб показал самую истину, кто Его высочества

были согласники, чтоб объявил. И на те слова Его высочество поползнулся было говорить, но, понеже Его величество от того сократил, и тем его высочества разговор кончился и вскоре после сего повелел читать манифест... а как оный прочли громко, чтоб все слышали, тогда его величество изволил сказать, что прощаю, а наследия лишаю и потом тотчас Его величество купно и с Его высочеством и прочие как духовныя особы, как и министры и всех чинов люди, пошли в соборную церковь, а пришед в церковь пред святым Евангелием Его высочество учинил присягу и, присягнув, подписался, что наследия не желает, а уступил брату своему Его высочеству государю царевичу Петру Петровичу, а потом присягали же все духовные, и министры, и прочие всех чинов люди, и подписались... И по учинении вышепомянутого Его величество и Государь царевич изволили идти кушать в Преображенское. Також после полудня в 3 часу все министры съехались в дом Царского величества в Преображенское и веселились довольно...»

Письмо царевича к находившейся еще тогда за границей Ефросинье передает как стремление Алексея убедить своего высокого цензора, к которому не могло не попасть письмо, что его намерения чисты, так и чувства облегчения и надежды, которой не было суждено сбыться:

«Друг мой сердешной Афрасинюшка! Здравствуй, матушка моя на множество лет! Я приехал сюда сегодня, а батюшка был в Верху на Москве, в Столовой полате со всеми, и тут я пришел и поклонился ему в землю, прося прощения, что от него ушел к цесарю, и подал ему повинное письмо, и он меня простил милостиво и сказал, что-де тебя наследства лишаю и надлежит-де тебе и прочим крест целовать брату, яко наследнику, и чтоб как мне, так и прочим по смерти батюшковой не промышлять о моем возведении на престол, и потом велел честь, за что он меня лишил наследства, и потом пошли в соборную церковь и целовали я и прочие крест, а каково объявление и пред крестом присяга — то пришло к тебе впредь, а ныне за скоростью не успел, и потом батюшка взял меня к себе есть и поступает ко мне милостиво, дай боже и впредь также и чтоб мне даждаться тебя в радости. Слава Богу, что нас от наследства отлучили, понеже останемся в покое с тобою. Дай Боже благополучно пожить с тобою в деревне, понеже мы с тобою ничего не желаем, только чтоб жить в Рождествене; сама ты знаешь, что мне ничего не хочется, только б с тобою до смерти в покое дожить, а что немецких врак (имеется в виду немецкая пресса. — Е. А.), будет о сем — не верь, пожалуй, ей-ей больше ничего не было. Верный друг твой Алексей. Из Преображенского в 3 февраля 1718».

Нет, никогда не суждено было Алексею и Ефросинье уединиться в деревенской тиши, да и вообще это была пустая мечта, навеянная относительно милостивым приемом, который оказал непутому сыну царь, весьма довольный прекращением грандиозного международного скандала с непредсказуемыми последствиями. Обрадованный хорошим приемом, Алексей не заметил явственного рокота приближающейся державной грозы. Это заметил опытный обер-фискал — вспомните то место из его письма, где речь идет о том, что Петр громким голосом потребовал, чтобы царевич назвал имена своих «согласников» — сообщников, а затем, когда Алексей начал было публичный донос, прервал его — «сократил». Думаю, что у многих присутствовавших на этом действе и общавшихся когда-то с Алексеем содрогнулись сердца, и скверное предчувствие охватило их — все, кроме царевича, поняли, что эта сцена введена царем в разыгранный государственный спектакль совсем не случайно.

Державная гроза приближалась и была неизбежна — нужно знать Петра: даже если предположить, что он искренне, как отец, простил блудного сына, как государь он должен был довести до конца дело об изменнике Алексее Петровиче Романове, а, как известно, в России не бывает дел об измене без сообщников.

Читая следственные материалы, — а дело было начато уже на следующий день после мирного родственного обеда в Преображенском, — видишь, как идет целенаправленный поиск сообщников: слишком откровенно стремление следователей обнаружить заговор и поставить во главе него Алексея. Не знаю, верил ли сам царь в существование подобного заговора, но не приходится сомневаться, что с помощью следствия, суда, угрозы репрессий, страшных казней Петр сознательно запугивал своих политических противников. Кровавое дело Алексея, потрясшее тогдашнее общество, как раньше кровавые стрелецкие казни, должно было парализовать способность оппозиции к сопротивлению реформам и лично царю.

Вместе с тем Петр, как трезвый политик, отчетливо понимал, что даже публичное отречение Алексея в пользу Петра Петровича ничего не решает и не гарантирует сохранение престола за сыном Екатерины. И хотя знать и другие подданные присягнули на верность Петру Петровичу, Петр видел, что многие с этим в душе не согласны, а некоторые даже прямо отказываются признать законность такого акта.

Так, 2 марта 1718 года в Преображенской церкви к Петру протиснулся подьячий Илларион Докукин и протянул царю стандартный печатный экземпляр присяги в верности Петру Петровичу, который были обязаны подписать подданные после соответствующей церковной церемонии. На месте, оставленном

для подписи, рукой Докукина было написано: «За неповинное отлучение и изгнание Всероссийского престола царского Богом хранимаго государя царевича Алексея Петровича христианскою совестию и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь и на том животворяшаго креста Христова не целую, и собственною своею рукою не подписуюсь... хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа по воле его святой за истину яз, раб Христов, Илорион Докукин страдаты готов. Аминь, аминь, аминь».

Это был демонстративный дерзкий вызов воле всесильного самодержца. Тут же, в церкви, Докукин был арестован и в тюрьме дал показания о причинах своего необычайного гражданского поступка: «На присяге подписал своеручно он, Ларион, соболезнужа об нем, царевиче, что он природной и от истинной жены, а наследника царевича Петра Петровича за истинного не признает, потому что-де, хотя нынешняя государыня царица и христианка, но, де, когда государя не будет, а царевич Петр Петрович будет царствовать и в то-де время она, царица, сообщится с иноземцами и будет от них христианам спона (вред) потому, что она нездешней природы».

Через две недели Докукина подвергли публичной казни — колесованию, и, не выдержав нечеловеческих мук длительной казни, он раскаялся, был снят с колеса и «помилован» — обезглавлен. Были начаты и другие подобные этому дела. Маховик репрессивной машины (для расследования дела Алексея была создана специальная Тайная канцелярия во главе с П. А. Толстым) стал стремительно раскручиваться, захватывая своими зубцами все новые и новые жертвы.

Розыск по делу государственного преступника царевича Алексея отличался особой суровостью, и пытки подследственных в первой половине 1718 года шли непрерывно. В застенок была привезена и старица Елена (Евдокия Лопухина), признававшаяся в том, что поддерживала преступную переписку с сыном. Пыточного станка не миновал и сам царевич, причем не исключено, что допросами под пыткой занимался сам царь.

Летом 1718 года началось дело по доносу на нескольких слуг, которые рассказывали, что им известно, как Петр в мызе неподалеку от Петергофа пытал царевича. Андрей Рубцов — слуга графа П. Мусина-Пушкина — показал, что однажды, «когда он был с помещиком своим, Платоном, в мызе, где был государь-царевич, в одно время помещик его приказал ему, когда придет в мызу царское величество, чтоб он в то время не мотался: станут-де государя-царевича пытать». Затем, показал Рубцов, «как приехал в ту мызу Царское величество, из избы его, Андрея, выслали вон

и он, Андрей, стоял в лесу от той мызы далече, и в то время в той мызе в сарае кричал и охал, а кто — не знает, и после того спустя дня с три, видел он, что государь-царевич говорил, что у него болит рука и велел ту руку подле кисти завязать платком, и завязали». Сообщения о том, что царевича пытает сам отец, по-видимому, производили гнетущее впечатление на людей, прикоснувшихся к этой тайне. Одна из свидетельниц — жена владельца кабака Андрея Порошилова (который узнал о пытках от упомянутого Андрея Рубцова) — рассказала: «Когда Андрей Порошилов приехал из мызы государя-царевича домой, ввечеру, в комнате сидя, плакал, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего он плакал, он ответил: “Государь в мызе сына своего царевича пытал”».

Летом 1718 года следствие по делу Алексея в основном закончилось, и 24 июня Верховный суд, состоявший из высших военных и гражданских чинов, единогласно приговорил сына царя к смертной казни по обвинению в заговоре и попытке захвата престола: «...утаил бунтовный, с давних лет задуманный, против Отца и Государя подыск и про изыскивание к престолу, даже при жизни родителя имел надежду на чернь и желал отцу и государю своему скорой кончины... намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземныя войска с разорением всего государства при животе Государя-отца своего».

Через день после вынесения приговора, 26 июня, царевич, содержавшийся в Трубецком раскате Петропавловской крепости, неожиданно умер. Впрочем, в этой смерти было столько же неожиданности, сколько в смерти Петра III, Ивана Антоновича и Павла I.

Как умер царевич Алексей, мы, вероятно, не узнаем никогда. В «Записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии» есть запись за 26 июня: «Того ж числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком раскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился». Ганноверский резидент Вебер сообщал, что с царевичем, узнавшим о приговоре, случился апоплексический удар. Австрийский резидент Плейер в одном донесении повторяет это утверждение, но в другом сообщает, что ходят упорные слухи о смерти царевича от меча или топора. Голландский резидент де Би писал своему правительству, что Алексей умер «от растворения жил». Это донесение было вскрыто, канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров устроили форменный допрос де Би, и резидент выдал своего осведомителя — повивальную бабку М. фон Гуссе, которую вместе с дочерью и зятем допросили в крепости. Н. Устрялов, собравший все эти сведения, считает, что царевич умер, не выдержав пыток, которым его подвергали даже в день объявления приговора.

Нельзя не сказать и еще об одном очень интересном документе — письме гвардии капитана А. И. Румянцева некоему Д. И. Титову о казни царевича. Письмо дошло до нас в копиях. Историки, как всегда в таких случаях, разделились: одни полагали, что письмо — позднейшая подделка, другие же считали его подлинным. Я, не располагая на этот счет какими-либо новыми (подтверждающими или опровергающими подлинность) сведениями, считаю, что принятая в нашем обществе манера критики публикаций, которых и в глаза не видел читатель, в высшей степени некорректна, и поэтому лучше привести если не все опубликованное последний раз в 1859 году письмо, то, по крайней мере, соответствующие сюжету пространственные отрывки. Румянцев сообщал своему адресату, что после оглашения приговора «как царевич в те поры не домогал, то его к суду, для объявки приговора, не высылали, а поехали к нему в крепость: светлейший князь Александр Данилович, да канцлер граф Гаврило Головкин, да тайный советник Петр Андреевич Толстой, да я и ему то осуждение прочитали. Едва же царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели его под руки схватить и тем от падения долу избавить. Уложив царевича на кровать и наказав о хранении его слугам да лекарю, мы поехали к его царскому величеству с рапортом, что царевич приговор свой выслушал; и тут же Толстой, я, генерал-поручик Бутурлин и лейб-гвардии майор Ушаков тайное приказание получили, дабы съехаться к его величеству во дворец в первом часу пополудни.

Недоумевая, ради коея вины сие секретное собрание будет, я прибыл к назначенному времени во дворец и был введен от дворцового камергера во внутренние упокой, где же увидел царя, сидяща и весьма горяюща, а вокруг его стояли: царица Екатерина Алексеевна, Троицкий архимандрит Феодосий от Александроневского монастыря (его же царь, зело уважая, за духовника и доброго советывателя имел), да Толстой, да Ушаков; а не было только Бутурлина, но и тот приездом не замедлил.

А как о нашем прибытии царю оповестили, ибо ему за многими слезами то едва ли видно самому было, то его величество встал и, подойдя к блаженному Феодосию, просил у него благословения, на что сей рек: «Царю благий, помысли мало, да не каяться будешь?» А царь сказал: «Злу, отче святыи, мера грехов его преисполнилась и всякое милосердие от сего часа в тяжкий грех нам будет и пред Богом и пред славным царством нашим. Благослови мя, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагого Бога, да простит мое окаянство». Тогда Феодосии, воздев руки, помолился и, благословивши царя, глагола: «Да будет воля твоя, пресветлый государь, твори, яко же пошлет ти разум сердцеведец

Бог». Тогда царь приблизился к нам, в недоумении о воле его стоящим, и сказал: «Слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные! Се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделаете. Оный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюся нарицати, презрев клятву пред Богом данную, скрыл от нас большую часть преступлений и общенников, имея в уме, да сие последнее о другом разе ему в скверном умысле на престол наш пригодятся; мы, праведно негодуя за таковое нарушение клятвы, над ним суд нарядили и тамо открыли многия и премногия злодеяния, о коих нам и в помышлении приидти не могло. Суд тот, яко же и вы все ведаете, праведно творя и на многие законы гражданские и от Св. Писания указаю, его, царевича, достойно к понесению смертныя казни осудил. Вам ведомо терпение наше о нем и послабление до нынешняго часа, ибо давно уже за свои измены казни учинился достоин. Яко человек и отец, и днесь я болезную о нем сердцем, но, яко справедливый государь, на преступления клятвы, на новыя измены уже нетерпимо и нам бо за всякое несчастье от моего сердолобия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол Российской державы всадившему. Того ради, слуги мои верные, спешно грядите, убо к одру преступнаго Алексея и казните его смертию, яко же подобает казнити изменников государю и отечеству. Не хошу поругать царскую кровь всенародною казнию, но да совершится ей предел тихо и неслышно, яко бы ему умерша от естества, предназначеннаго смертию. Идите и исполните, тако бо хочет законный ваш государь и изволит Бог, в его же державе мы все есмы!» Сие глаголиша, царь новыя тучи исполнися, и аще бы не утешение от царицы, да не словом в иноцех блаженнаго Феодосия, толико яко презельная горесть велий ущерб его царскому здоровью приключилась бы.

Не ведаю, в кое время и коим способом мы из царского упокою к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса весь ум мой обуяла, долго бы я от того в память не пришел, когда бы Толстой напамятованием об исполнении царскаго указа меня не возбудил. А как пришли мы в великия сени, то стоящаго тут часового опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовыя стражи, отойти к наружным дверям приказал, яко бы стук оружия недужному царевичу, беспокойство творя, вредоносен быть может. Затем Толстой пошел в упокой, где спали его, царевича, постельничий да гардеробный, да куханный мастер, и тех, от сна возбудив, велел немешкатно от крепостного караула трех солдат во двор послать и всех челядинцев с теми солдатами, яко бы к допросу, в коллегию отправить, где тайно повелел под стражею задержать. И тако во всем доме осталось нас четверо, да единый

царевич, и той спящий, ибо все сие сделалось с великим опасательством да его безвременно не разбудят. Тогда мы, елико возможно, тихо перешли темные упокой и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампы, пред образами горящей. И нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, яко бы от некоего соннаго страшнаго видения, да еще по времени стонуща, бе бо, и в правду, недужен вельми, так что и Св. Причастия того дня вечером, по выслушании приговора, сподобился, из страха, да не умрет, не покаядшись во гресех, с той поры его здравие далеко лучше стало и по словам лекарей к совершенному оздоровлению надежду крепкую подавал. И, не хотяще никто из нас его мирного покоя нарушати, промеж собою сидяще, говорили: «Не лучше ли-де его во сне смерти предати, и тем от лютого мучения избавити?» Обаче совесть на душу налегла, да не умрет без молитвы. Сие помыслив и укрепись силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав: «Ваше царское высочество! Возстаните!» Он же, открыв очеса и недоумевая, что сие есть, седе на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства [не] вопрошая.

Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: «Государь-царевич! по суду знатнейших людей земли Русской, ты приговорен к смертной казни за многия измены государю, родителю твоему и отечеству. Се мы, по Его царскаго величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаяднием приготавься к твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близ есть к концу своему». Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из этого успеха не возымев, нача горько плакаться и глаголя: «Горе мне бедному, горе мне, от царской крови рожденному! Не лучше ли мне родитися от последнего подданного!» Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: «Государь, яко отец, простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но яко государь-монарх, он измен твоих и клятвы нарушения простить не мог, боясь, да в некое злоключение отечество свое повергнет чрез то, того для, отвергши вопли и слезы, единых баб свойство, приими удел твой, яко же подобает мужу царския крови и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих!» Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекая детоубийцею.

А как увидали, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени, и один из нас, кто же именно (от страха не упомню) говорить за ним начал: «Господи! в руци твои предаю дух мой!». Он же, не говоря того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Той же, мню, яко Бутурлин, рек: «Господи! упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая

прегрешения его, яко человеколюбец!» И с сим словом царевича на ложницу спиною повалили и, взяв от возглавья два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже движение рук и ног утихло и сердце биться перестало, что сделалось скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разобрать не мог, ибо от страха близкия смерти, ему разума помрачение сталося. А как то совершилось, мы паки уложили тело царевича, яко бы спящего, и, помолився Богу о душе, тихо вышли. Я с Ушаковым близ дома остались, — да кто-либо из сторонних туда не войдет, Бутурлин же да Толстой к царю с донесением о кончине царевичевой поехали. Скоро приехала от двора госпожа Краммер и, показав нам Толстаго записку, в крепость вошла и мы с нею тело царевичево опрытали и к погребению изготовили: облекли его в светлые царския одежды. А стала смерть царевичева гласна около полудня того дня, сие есть 26 июня, яко бы от кровенаго пострела умер...».

Историки, сомневающиеся в подлинности этого документа, находят немало противоречий, которых не могло быть в письме столь близко знакомого с делом Алексея А. Румянцева, сомнителен также адресат, неясна цель такого опасного по тем временам послания. Когда читаешь письмо целиком, нельзя не обратить внимание на обороты и слова, близкие к письменной речи человека из среды духовенства, — Румянцев же был подлинный солдат, не особенно образованный и умный. Но вместе с тем нельзя отбрасывать и ту мысль, что письмо стало известно из копий, и вполне возможно, что при копировании его, затертое до дыр, редактировали, дополняли. Такое не раз бывало с письменными памятниками. Однако, даже ставя под сомнение подлинность письма, нельзя не удивляться его драматичности, живости, детальности передачи всех моментов этой зримо встающей перед нашими глазами подлинно шекспировской сцены казни-убийства неугодного наследника. Для того чтобы сочинить эту потрясающую сцену, не имея в руках спрятанного полтора века за семью печатями дела Алексея и не зная всех обстоятельств, ему сопутствовавших, нужен, несомненно, великий талант мистификатора и драматурга. Но при этом нельзя никогда забывать, что талантливейшим драматургом бывает сама жизнь, за которой только успевай записывать.

<...>

